

словами, должно быть: χεῖρα πέτασε | κλυτάν. Ср. Pind. Pyth. IX 36: ὀσία κλυτάν χέρα φοι προσενευγείν.

V.[ictor] J.[ernstedt]

Aesch. Sept. 1005 (996 Weckl.)³⁷

[164] В первом эпипикии Бакхилида, в стихах 21 сл.³⁸ ряд нравоучительных изречений, по своей применимости не устаревших еще и для наших времен, хотя уже и для V-го века не представлявших особой новизны, начинается таким торжественным заявлением:

φαμί καὶ φάσω μέγιστον
κῦδος ἔχειν ἀρετάν³⁹.

Сочетанием форм настоящего и будущего от одного и того же глагола, φαμί καὶ φάσω, поэт, очевидно, желает выразить непоколебимость, неизменность своего мнения. Если не ошибаюсь, [165] та же разновидность параномасии для той же цели требуется и в том месте трагедии «Семеро против Фив», где читается:

δοκοῦντα καὶ δόξαντ' ἀπαγγέλλειν με χρῆ
δήμου προβούλοις τῆσδε Καδμείας πόλεως,

а следует, я думаю, читать: δοκοῦντα καὶ δόξοντ' ἀπαγγέλλειν и т. д.

Непоколебимость решения думы фиванской заранее противопоставляется намерениям Антигоны.

II. ИЗБРАННЫЕ ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

Август Карлович Наук⁴⁰

[22] Август Карлович Наук родился в 1822 году 18-го сентября н. ст. в селении Auerstätt близ Йены. Отец, сельский пастор, умер, когда Августу, младшему из четырех сыновей, было восемь лет. Ребенка взял в свой дом дядя, бывший пастором в Мюльберге около Эрфурта⁴¹. Мало радостей и

³⁷ [Опубл.: Филологическое обозрение. 1898. Т. 14. Кн. 2. С. 164–165.]

³⁸ По счету Бласса это будут 21 сл. строки III-го столбца.

³⁹ У Плутарха (Quom. adol. poetas audire debeat p. 36 c) это место печатается так: φάσωμεν πιστὸν κῦδος ἔχειν ἀρετάν. Но, если бы явились наконец точные сличения плутарховских рукописей, пожалуй, оказалось бы, что их чтение стоит ближе, чем мог предполагать Кенион, к дополнению <μέ>γιστον, которое он нашел для пробела, представляемого здесь Бакхилидовским папирусом. По крайней мере в Московской рукописи Моралий (№ 352) я видел не φάσωμεν и т. д., а φάσωμε πιστὸν κῦδος ἔχειν ἀρετάν.

⁴⁰ [Опубл.: ЖМНП. 1893. Ч. 285. Январь. Отд. С. 22–52.]

⁴¹ Ему посвящены [Aristophanis Byzantii fragmentum Parisinum. Halis, 1845].

ласки видел будущий знаменитый ученый в своем детстве и юности, много изведал горя и нужды. К счастью, в 1836 г. он был принят в одну из лучших классических школ Германии, в Schulpforta. Уже в преклонном возрасте, стоя наверху ученой славы, публично выразил он свою признательность этой своей «almae matris»: «*crio gratoque animo*» посвятил ей второе издание главного своего труда, «Фрагментов трагиков». С очень теплым чувством вспоминал он особенно об одном из своих наставников по этой школе, о Карле Кейле, называя его своим «незабвенным учителем и другом»⁴². Как известно, это был выдающийся критический талант, очень точно исследовавший некоторые свойства греческого языка⁴³ и с особенным успехом пользовавшийся для целей грамматических новым тогда эпиграфическим материалом. По одному Кейлю нельзя, разумеется, судить о всех филологах, преподававших тогда в школе, но можно все-таки догадываться, какая сторона в изучении древних языков уже в то время должна была привлекать сочувствие будущего великого эллиниста. — Как это и согласно с идеалом классической системы образования, в этой школе наряду [23] с древними языками не только числилась, но и действительно была главным предметом математика. Аттестат зрелости, полученный в 1841 г., удостоверял отличные успехи Наука как по языкам, так и по этому предмету. Склонность к математике была настолько сильна, что, по словам самого Августа Карловича, одно время он мечтал посвятить себя изучению математических наук.

Однако, поступив осенью того же 1841 г. в Галльский университет, на первых порах он избирает не математику и не филологию, а теологию. Вероятно, в этом случае действовали или семейные традиции, или чье-нибудь постороннее влияние; но действовали недолго: филология скоро одержала верх над всякими влияниями. Нельзя сказать, чтобы пребывание на теологическом факультете особенно сильно расположило молодого студента в пользу теологов: в первом своем печатном труде⁴⁴ он с ужасом говорит о том, во что обратилась бы филология, если бы теологи завладели гимназиями.

Представителями классической филологии в Галле были тогда знаменитый историк классических литератур Бернгарди и Мейер, известный особенно работами по греческой древности. Нет сомнения, Наука был очень внимательным и усердным слушателем и добросовестно старался усвоить себе то, что могли дать эти учителя. По его словам⁴⁵, Бернгарди побудил

⁴² [Kritische Bemerkungen. V // MGR. 1869. Т. III. Livr. 1. S. 84.]

⁴³ Наука называет его самым лучшим ономастологом, какого только донине видала греческая филология: Ibid. S. 86.

⁴⁴ Aristophanis grammatici fragmentum Parisinum. P. 40 sq. № 8.

⁴⁵ В книге: [Volkmann R. Gottfried Bernhardt. Zur Erinnerung an sein Leben und Wirken. Halle, 1870. S. 151].

его избрать греческую часть классической филологии главным предметом занятий и, руководя, как директор, упражнениями филологической семинарии, заставил попытать силы в области конъектуральной критики.

Конечно, для того же профессора написана была вскоре по вступлении в число филологов семинарская работа *De Homeri Iliadis libro decimo*⁴⁶. Бернгарди дал тему и для сочинения на университетскую премию: *Disciplinae grammaticae et lexicæ graecæ auctarium e Voeckhiano Inscr.[iptionum] Corpore compositum*. Юный автор представил тут задолго до Meisterganga очерк греческой грамматики, фонетики и морфологии по надписям, проявив как обширную начитанность и в надписях, и в авторах, и в грамматической литературе, так и значительную самостоятельность суждения. Весной [24] 1845 года члены семинария поздравили директора с днем рождения, при особом приветствии поднесли ему рассуждение Наука, своего сеньора⁴⁷, которое впоследствии разрослось в большую книгу: предмет этого труда также указан был Бернгарди.⁴⁸ По выходе из университета Наука долго привлекала задача, предложенная тем же учителем: издание всего, что сохранилось из сочинений Порфирия платоника.

И однако, не будь известны эти факты, едва ли кто-нибудь по содержанию и формам учено-литературной деятельности Наука догадался бы, что он был учеником Бернгарди. Трудно найти какие-нибудь существенные черты сродства ученика с учителем. Галльский историк литератур греческой и римской при всем своем уме и феноменальной эрудиции не смог сделать самого талантливого из своих учеников своим последователем: в решение историко-литературных вопросов Наук входил почти только тогда, когда оно должно было основываться на данных языка, стихосложения и т.п. или было ближайшим образом необходимо для правильности приемов критики текстов. Он сделался одним из самых точных знатоков греческого языка, какие когда-либо существовали; но та доля этого неисчерпаемого знания, которой он обязан был «Научному синтаксису», по всем признакам была долей очень малой. Филологию он любил больше всего на свете; но ее определений, общих о ней рассуждений не любил и склонности к углублению в «Энциклопедию филологии» не высказывал. Простой, ясный, точный способ его выражения был прямой противоположно-

---

⁴⁶ Две ее части еще сохранились. На одной помечено: *Specimen exh. In sem. Phil. Hal. Nieme a. 1842–1843*. А на другой: *Aestate a. 1843*.

⁴⁷ *Viro summo Godofredo Bernhardy philologorum principi praeceptoris dilectissime diem natalem d. XX mens. Martii a MDCCCXLV piis devotisque animis gratulantur seminarii philologici sodales et hospites. Accedit Aristophanis grammatici fragm. Paris. illustravit Augustus Nauck.*

⁴⁸ Наука в книге: [*Volkmann R. Gottfried Bernhardy. Zur Erinnerung an sein Leben und Wirken. S. 151*].

стью туманной, гегельянствующей фразеологии Бернгарди: то, что в своей первой печатной работе⁴⁹ называл он *umbras rerum exsanguis et inanes* [бескровные и бесплотные тени вещей], никогда не было в его вкусе. Он с благодарностью вспоминал⁵⁰ чарующее влияние, которое имел на него Бернгарди; но по всему видно, что это очарование было непродолжительно и не в силах было связать самостоятельность ученика: он [25] пошел своей особой дорогой и стал тем, чем сделали его собственная даровитость и твердая воля. В личных сношениях с Бернгарди, по словам самого Августа Карловича⁵¹, он находился только пока был в университете, а затем очень редко виделся с ним и еще реже переписывался.

Можно догадываться, что личные отношения к Мейеру были ближе и прочнее отношений к желчному Бернгарди. В кабинете Августа Карловича всегда висел портрет Мейера, по-видимому, в знак благодарного воспоминания об этом учителе. Предмет первых печатных трудов Наука имел некоторые точки соприкосновения с работами Мейера по литературе греческих грамматиков⁵². Одну из них ученик много лет спустя после смерти учителя спас от забвения, переиздав в приложении к своему *Lexicon Vindobonense*⁵³. Он же помогал Мейеру при издании отрывков Ликиурговых речей, составив указатель к изданию. Но, конечно, не Мейеру Наука обязан тем, что стал одним из замечательнейших мастеров филологической критики.

Мейер служил когда-то застрельщиком для Бёкковской школы в борьбе против Готфрида Германа: Наука по содержанию своей ученой деятельности скорее мог бы считаться учеником великого Лейпцигского учителя, чем Галльских профессоров. Но и от Германа отличал его метод решения вопросов грамматики и метрики и основывающейся на них критики текстов. Герман во многом был противником английской филологической школы наблюдателей-аналогистов: для Наука самыми главными учителями и самыми великими героями классической филологии были Бентли, Порсон, Ельмсли⁵⁴.

---

⁴⁹ *Aristophanis grammatici fragmentum Parisinum*. P. 3.

⁵⁰ [Volkmann R. Gottfried Bernhardy. Zur Erinnerung an sein Leben und Wirken. S. 150]: «Berhardy hat mich bezaubert wie kaum sonst jemand» [Бернгарди пленил меня как, пожалуй, никто другой].

⁵¹ *Ibid.*

⁵² *Aristophanis grammatici fragmentum Parisinum*. P. 71, 73, 84.

⁵³ [*Lexicon Vindobonense*. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens. Petropoli, 1867. P. 329–358.] Ср.: *Ib.* P. XLIII; [Bericht über E. Miller, *Mélanges de littérature grecque* // MGR. 1869. T. III. Livr. 1. P. 155].

⁵⁴ *Wilamowitz-Moellendorf U. Euripides. Heracles*. I. S. 251: о Hayке: «im gegensatz zu Hermann durchaus analogetiker hat er die lehren der Engländer in Deutschland erst recht zur

Если при первых шагах своих на ученом поприще он является во всеоружии знания, с резко очерченным направлением в выборе предметов для ученой обработки, с твердо определенным ее методом, то, несомненно, этим он обязан был гораздо более самому себе, чем своим наставникам. В той работе о десятой книге Илиады, которую писал он, едва ли пробыв год [26] в числе студентов филологии, видно уже такое знание предмета и его литературы, такой навык к филологической аргументации, которых никакой профессор, хотя бы и Бернгарди, не мог бы передать в два семестра своему слушателю. Очевидно, последний очень большую часть этого ученого богатства нажил сам своими трудами, и при том начал наживать еще до поступления в университет. В гимназии при первом чтении Гомера пробудился и критический талант будущего реформатора Гомеровского текста⁵⁵.

Четыре работы, исполненные в университете, две рукописные и две печатные⁵⁶, из которых каждая неизмеримо выше многих докторских диссертаций, доказывают не только необыкновенную даровитость автора, но и то, что время пребывания в университете было для него временем напряженнейшего труда. Но оно же было временем и самой тяжелой нужды. Приходилось поддерживать существование, давая уроки по 20 зильбергрошей за час. Часть этого скудного дохода шла на покупку книг. Простительная ученому, особенно филологу, слабость к такой соблазнительной роскоши, как собственная библиотека, заговорила очень рано и очень сильно.

---

anerkennung gebracht und selbst in ihrem sinne weiter gearbeitet» [В противоположность Германы, он, будучи с головы до ног *аналогистом*, первым сделал по-настоящему известными в Германии английских ученых, и сам продолжал работать в их направлении].

⁵⁵ Рассуждение о десятой рhapsодии начинается словами: «Si quis Iliadem attentiore studio perlustrans nexum imprimis spectaverit, quo singula quaeque referantur et cum iis quae vel antecedunt vel subsequuntur et cum universa rerum serie contineatur, fieri non poterit, quin sine ullo narrationis detrimento decimam rhapsodiam a ceteris divelli posse confiteatur. Huic observationi, quae ipsi mihi quo tempore primum ad Maeonios liquores accessi sese obtulit, cum diligentius in Iliade perscrutanda versarer, nonnulla accesserunt, quibus de libri illius et tempore et auctore dubitatio quaedam moveretur, tenuis quidem ab initio et obscura, attamen quo majorem pervestigandae huic rei operam navavi, eo magis animo meo inhaerens» [Если бы кто-нибудь взялся исследовать «Илиаду», начав с внимательного изучения последовательности изложения, а именно, как каждая [песня], взятая по отдельности, соотносится, с тем, что ей предшествует или за ней следует, и как поддерживается связь с общим ходом событий, то ему пришлось бы признать, что десятую песню можно без ущерба для повествования отделить от прочих. К этому наблюдению, которое мне самому явилось в то время, когда я впервые посвятил себя гомеровской поэзии, присоединилось что-то, что заронило некоторое сомнение относительно времени и автора этой книги. Слабое и смутное вначале, это сомнение крепло по мере того, как я углублялся в изучение этого вопроса].

⁵⁶ [Aristophanis grammatici fragmentum Parisinum; Parerga critica I // Philologus. 1846. T. I. P. 351–360.]

Книга и наука были единственным утешением и отрадой юноши, одиноко борovéhoся с гнетущей бедностью: своей матери он лишился вскоре после поступления в университет.

В апреле 1846 г. он покончил университетский экзамен. Его труды уже замечены были выдающимися филологами того времени: о «Парижском отрывке Аристофана Византийского» дали благоприятные отзывы Бергк⁵⁷ и Шнейдевин⁵⁸. Молодого эллиниста удостоил [27] благосклонного внимания и Мейнеке⁵⁹. В 1848 г. появляются «Отрывки Аристофана Византийского» — труд по своей содержательности, по обилию изысканнейшей и разнообразной учености, по количеству добытых результатов, по обилию важных, плодотворных мыслей, и по мастерству исполнения достойный первоклассного ученого.

Несмотря на то автор никак не мог найти себе на родине какого-нибудь прочного положения или постоянного заработка. Г. Герман, любезно вступая в ученую переписку с ним и сообщая ему по его просьбе одну научную справку, выражал сожаление о его стесненном положении и пожелания поворота к лучшему⁶⁰. Без сомнения, не было недостатка в таких пожеланиях со стороны и других ученых ценителей сильного молодого таланта, а все-таки устроиться как-нибудь на родине ему не удавалось. Судьба завела будущего петербургского академика в Россию: он принял приглашение быть домашним учителем в семье пастора около Риги. Вместе с сыном хозяина дома училось несколько мальчиков из соседних семейств; Август Карлович обучал их древним языкам. Здесь он нашел и будущую подругу жизни: обручился с дочерью пастора. Брак отложили до той поры, когда жених найдет себе прочное, сколько-нибудь обеспеченное положение. Эта возможность явилась лишь через семь лет. Между тем домашний учитель не прекращал учено-литературной деятельности: несколько работ написано им в этом сель-

---

⁵⁷ *Zeitschrift für Altertumswissenschaft*. 1845. S. 776. Коротенькая заметка не подписана. Имя автора знаем из Наукова письма, о котором сейчас будет сказано.

⁵⁸ *Göttingische Gelehrte Anzeigen*. 1845. S. 1320.

⁵⁹ Как в старости, так уже и в юные годы Наук имел привычку письма, сколько-нибудь важные, составлять сперва начерно и черновики сохранять. Сохранилась черновая письма к какому-то книгопродавцу, которого молодой автор просит принять на себя издание «Отрывков Аристофана Византийского», ссылаясь на указанные отзывы критики по поводу диссертации «О Парижском отрывке» и предлагая за справками обратиться к Бернгарди, Мейеру, Шнейдевину и Мейнеке, как к таким лицам, которые знают его диссертацию и другие работы. Черновая помечена Halle, d. 1 Jan. 1847. Сохранялась она так долго, вероятно, потому, что на других страницах того же листка находятся заметки для занятий Порфирием.

⁶⁰ Письмо помечено: Leipzig, d. 24. Mai 1848. Герман благодарит за сообщение догадок к тексту Эсхила; обсуждая их, некоторые одобряет, о некоторых замечает, что они найдены уже и им самим.

ском захолюстье, вдали от университета и библиотек⁶¹. Но естественно, что желание вернуться [28] на родину, в условия более благоприятные для научного труда, было очень сильно. Чтобы получить там права на должность учителя гимназии, многообещающий доктор философии, в своих работах давший несомненные доказательства основательнейшей учености и неоднократно уже исправлявший промахи первых авторитетов своей науки, должен был пройти еще через искус государственного экзамена. Относясь и к этому делу с той же добросовестностью, с какой исполнял все, что брал на себя, он, чтобы готовиться к экзамену, в 1851 году, освободившись от учительских занятий, поселяется в Берлине, а затем сдает экзамен в Кенигсберге. После этого, в 1852 году, он поступает учителем гимназии в Prenzlau, а через год переходит отсюда в Берлин в Иоахимстальскую гимназию.

Последняя находилась тогда под управлением знаменитого директора Августа Мейнеке, который рано оценил научную силу, какую представлял собой его новый подчиненный. Общность научных интересов и сродство талантов должны были привести к близким личным отношениям. Учитель сделался постоянным участником ученых работ директора. Много материала дал Наук для дополнений издания отрывков греческих комиков⁶². Многие его догадки приняты были в издании Стовея. Его советы пригодились и при третьем издании Феокрита⁶³. Вообще каждая работа Мейнеке из этого времени была в корректуре читаема Науком и часто по его замечаниям исправляема или дополняема⁶⁴. Но, без сомнения, как признает и сам он⁶⁵, это общение было в высокой степени полезно и для младшего из друзей: не даром первое издание отрывков трагиков посвящено «Augusto Meinekio comiti huius operis benevolo» [Августу Мейнеке, доброжелательному товарищу этого труда]⁶⁶. Может быть, через Мейнеке Наук имел личные отношения и к Иммануэлю Беккеру. Во всяком случае он делился с Беккером критическими заметками к Гомеровскому тексту, когда тот готовил свое знаменитое второе издание поэм Гомера⁶⁷.

---

⁶¹ Статья [Soph. fragm. 649 // Philologus. 1847. Bd. II. 1847. P. 640] помечена: *Dunamünde bei Riga*. Под статьей [De Soterichi Oasitae choliambis // Ibid. 1849. Bd. IV. P. 613–624] находится пометка: *Rigae*.

⁶² [Fragmenta Comicoorum Graecorum. Coll. et disposuit A. Meineke. T. V. 1. P. XI, XCIII.]

⁶³ См., например: *Suppl. adn. ad Theocr.* XXIII, 3.

⁶⁴ [Bemerkungen zu Georg Curtius «Das Verbum der griechischen Sprache II» // MGR. 1877. T. IV. Livr. 3. P. 297.]

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ср. *Tragicorum Graecorum Fragmenta*¹. Lipsiae, 1856. P. VIII.

⁶⁷ [Kritische Bemerkungen // MGR. 1861. T. II. Livr. 3. P. 329 sq.; Kritische Bemerkungen. V // Ibid. 1869. T. III. Livr. 1. P. 12.]

[29] Недостаток средств не переставал угнетать молодого ученого и в положении преподавателя гимназии. Кроме гонорара за учено-литературные труды, который и тогда в Германии не мог быть значителен, некоторым подспорьем служила плата за рецензии, поставляемые для критических журналов⁶⁸. Но иной раз нужда заставляла принимать и занятия корректора с платой по талеру за лист⁶⁹. Материальное положение значительно улучшилось лишь с переходом в марте 1858 г. в берлинскую гимназию am Grauen Kloster. В том же году Август Карлович женился на девушке, с которой был обручен семью годами ранее. Этот год и в другом еще отношении был решительным, поворотным пунктом: 6-го июня Императорская С.-Петербургская Академия наук избрала Августа Карловича экстраординарным академиком.

Как ни тяжки были жизненные невзгоды, как ни обременительны должностные занятия учителя гимназии, всегда находил он время для ученой работы, и из 13 лет, которые протекли со времени напечатания первого его рассуждения, успел заявить о себе ученому миру целом рядом научных трудов. Между ними тогда уже красовались такие первостепенные произведения учености и таланта, как издание Еврипида, обработка Шнейдевинова Софокла и собрание отрывков греческих трагиков. Число более мелких по объему, но часто столь же блестящих и важных, достигло приблизительно пятидесяти. Естественно было, что почет, оказанный Академией такому ученому, был приветствован тогдашними корифеями классической филологии, как вполне заслуженный⁷⁰.

---

⁶⁸ Сохранившись из 1855 г. два письма редакции журнала *Liter. Centralblatt*, при которых препровождены были для составления рецензий книги: *Aristophanes. Die Ritter. Von Born; Buchholz. De person. descr. in Eurip. Iph. ul.; Euripidis tragoediae. Ed. Kirchhoff. I. II.*

⁶⁹ Такая плата за корректуру нового издания Лахманова комментария к Лукрецию назначает в письме Реймера от 14-го ноября 1854 г.

⁷⁰ Из письма В. Диндорфа: «Leipzig, Nov. 2, 59. Hochgehrter Herr und Freund, Gestatten Sie mir zuvorerst Ihnen meinen aufrichtigsten Glückwunsch darzubringen zu der wohlverdienten Anerkennung, die Sie durch Ihre Berufung nach Petersburg gefunden haben. Einem Manne von Ihrem in Ihrer meisterhaften Schrift über Aristophanes von Byzanz in bewunderungswürdiger Weise darlegten — würde es in nicht ferner Zeit gelingen hinreichenden Einfluss zu gewinnen um Manches zur Ausführung zu bringen was Anderen minderbegabten, auch wenn Sie es versucht hätten, nicht gelungen seyn würde... Bei Erwähnung der Antigone kann ich nicht umhin der von Ihnen vor längerer Zeit in den Jahn'schen Jahrb. gegebenen Beweisführung, dass der verwickelte Anfang des Stückes auf alter Verderbniss beruhe, zu gedenken. Nach endlosem Geschwätz über *ὁποῖον οὐχὶ* und *ἄτης ἄτερ* was es mir ein wahrer Genuss Ihre kerngesunde, von feiner Beobachtung der tragischen Sprache zeugende Deduction zu lesen. Nach derselben blieb nur noch übrig beide Fehler durch schlangende Emendation, die zugleich die Entstehung der fehlerhaften Lesarten erklärt, zu beseitigen, was ich auf S. 10. der neun Ausgabe versucht habe. Es würde mir sehr erfreulich seyn wenn Sie bei nochmaliger Erwägung vielleicht auf dasselbe kämen und mir dies mittheilten.. Schlüsslich empfangen Sie die Versicherung das Sie der erste seyn werden dem ich

[30] Весной 1859 г. А. К. переехал в Петербург и навсегда уже поселился в той стране, в которой некогда нашел временное пристанище. Вскоре после переезда и неоднократно впоследствии представлялась возможность вернуться в Германию и занять там положение, гораздо более соответствующее заслугам и достоинствам Августа Карловича, чем прежнее учительство, открывалась возможность получить профессию в одном из таких университетов, как Геттингенский, Боннский; Венский, но он остался верен Петербургу. Редко, особенно в последние годы, выезжал за границу и на каникулярное время.

Из таких поездок самые приятные воспоминания оставило в нем путешествие в Италию, которое он совершил летом 1879 года, чтобы во Флоренции сличить рукопись Ямвлиха.

И в Петербурге в течение многих лет он соединял с деятельностью ученой деятельностью педагогическую. Первое время А. К. преподавал древние языки в гимназии Видемана, затем обучал славянских стипендиатов, готовившихся быть учителями гимназий, а с 22-го мая 1869 года был ординарным профессором греческой словесности в Императорском историко-филологическом институте. Пришлось ему принять участие и в ожесточенном споре о классическом и реальном образовании, в «Месяцеслове на 1866 г.»⁷¹ появилась в русском переводе, сделанном, к сожалению, очень небрежно, его статья «Несколько замечаний о педагогическом значении древних языков». Конечно, никто другой из участников спора не знал так близко того предмета, на который одни тогда так свирепо нападали, и

---

den neuen Oxforder Sophocles mittheilen werde, sobald mir Exemplare zugekommen sind. Freundschaftlichst Der Ihrige W. Dindorf» [Высокоцитимый господин и друг, прежде всего позвольте мне принести Вам мои самые искренние благопожелания по случаю заслуженного признания, которое Вы получили благодаря Вашему назначению в Петербург. Человеку Вашего ума и Вашей учености, — которую Вы замечательно продемонстрировали уже в весьма юные годы в своем мастерски написанном сочинении об Аристофане Византийском, — наверное удастся в недалеком будущем приобрести достаточное влияние, чтобы осуществить то, что не удалось бы другим, менее одаренным, даже если бы они и попытались сделать это... При упоминании Антигоны я не могу не вспомнить о Ваших аргументах, которые вы давно привели в ежегоднике Яна о том, что запутанное начало отрывка обязано старой порче текста. После бесконечной болтовни относительно ὁλοῖον οὐχί и ἄττις ἄτερ мне доставило истинное наслаждение прочитать Ваш совершенно здравый вывод, свидетельствующий о тонком наблюдении языка трагиков. После этого оставалось устранить только две ошибки, используя убедительное исправление текста, которое вместе с тем объясняет и возникновение ошибочных чтений, что я и попытался сделать на с. 10 нового издания. Я был бы очень рад, если бы Вы при повторном рассмотрении [этого места] пришли бы к тому же выводу и сообщили мне это... Наконец, получите заверение в том, что Вы будете первым, кому я передам нового оксфордского Софокла, как только я получу экземпляры. С самыми дружескими чувствами Ваш В. Диндорф].

⁷¹ [Несколько замечаний о педагогическом значении древних языков // Месяцеслов на 1866 г. С. 375–394.]

который другие с таким пафосом защищали. И, без сомнения, по этому самому никто из тогдашних защитников классического образования не отстаивал с такой уверенностью своей [31] точки зрения и не был так внимателен к доводам противников. Ученик одной из лучших классических школ и сам первоклассный филолог-классик, он не пытался утверждать, что какие-нибудь предметы школьного преподавания сами по себе могут содействовать прививке учащимся тех или других политических воззрений: очевидно, этот довод, бывший некогда в большом ходу, ему представлялся сомнительным или обоюдоострым. Распространение реального и технического образования он называет в высшей степени полезным и необходимым; но необходимее всяких и реальных и технических и классических школ считает школу народную⁷². Он признает выдающееся значение математики среди предметов среднего образования, как дисциплины, всего сильнее действующей на известные стороны умственного развития⁷³. Но, веруя в великие духовные силы русского народа⁷⁴, он был [32] убежден, что в даровитой русской натуре найдутся и такие стороны, которые всего вернее и лучше могут достигнуть развития и зрелости при классической системе образования. Конечно, он думал при этом о классической школе, похожей на ту, в которой сам был воспитан, о школе, имеющей возможность доводить своих питомцев до той степени знания, на которой обильное и точное чтение произведений классических литератур

---

⁷² Там же. С. 392: «Мы чистосердечно желаем, чтобы практические потребности были удовлетворяемы посредством устройства технических школ: мы тем более этого жеедем, что высшие училища, освободившись от элементов, противодействующих их основному началу, стали бы тем с большей энергией преследовать свои цели». — С. 382: «Мы бы признали мерой весьма ошибочной и достойной сожаления, если бы все реальные школы были закрыты, или если бы правительство захотело только препятствовать их устройству и стеснять их развитие. Нет сомнения, что и реальные школы нужны и даже чрезвычайно полезны, так же как и первоначальные народные училища: здесь не мешает только заметить, что первоначальные училища распространяют в наименьшей мере образование в массе народа, они все-таки оказывают стране величайшие благодеяния в умственном, нравственном и материальном отношениях».

⁷³ Там же. С. 386 сл.: «Цель других учебных предметов клонится к тому, чтобы ученик знал, а древних языков к тому, чтобы он мог, если только позволено будет так выразиться. В этом заключается главное достоинство классического образования для юношества. В этом отношении с ними может сравниться и отчасти может даже им предпочтена только математика; последняя признана была за превосходное образовательное средство уже греками и до сих пор не утратила, в этом смысле, уважения новейших народов. Но математика потому значительно должна уступать древним языкам, что она занимается исключительно отношениями количества и прострства и оттого упражняет умственные способности весьма односторонним образом».

⁷⁴ Там же. С. 394: «Кто же так слеп, что не видит, что русский народ еще не играет в истории всемирной цивилизации той роли, которая вследствие замечательных его естественных способностей может быть от него ожидаема и даже требуема?»

становится источником поучения и наслаждения. Он очень сильно восставал против того компромисса, который воображает, что классическая система будет жива и здорова, стоит только отсечь ей голову, то есть отвергнуть греческую ее половину. Он, напротив, думал⁷⁵, что «если какая-нибудь необходимость может заставить откинуть один из двух древних языков, то, конечно, скорее можно было бы обойтись без латинского, чем без греческого». При этом он имел в виду не только превосходство греческого гения, ради которого иные из современных западных защитников классицизма дают такую же оценку сравнительного значения двух его элементов: нет, ученый иноземец знал то, о чем забывали некоторые русские ученые люди, знал, что для изучения истории русской культуры по меньшей мере так же необходима греческая половина классицизма, как для изучения культуры западной — латинская⁷⁶.

Как преподаватель в школе славянских стипендиатов и особенно как профессор в историко-филологическом институте, Август Карлович принимал ближайшее участие в деле приготовления учителей древних языков для наших гимназий в такую пору, когда это дело было особенно трудным. Он преподавал на двух высших курсах института. В первое время, то есть в первые два года его профессорской деятельности, он объяснял греческого прозаика, греческого поэта, латинского поэта (Горация), преподавал греческую метрику, избранные отделы греческого синтаксиса, греческие государственные древности, руководил упражнениями в переводах с латинского на греческий и с русского на латинский и проверял домашние занятия студентов по чтению греческих авторов. Впрочем, если не ошибаюсь, предметы римской словесности [33] входили в его преподавание только в первое полугодие 1869–1870 года, а греческие древности только в первые два года. Цикл авторов, которых он объяснял в наше время или впоследствии, составляли: Эсхил («Прометей» и «Семь [против Фив]»), Софокл («Царь Эдип» и «Антигона»), Еврипид («Медея»), Бабрий, Фукидид (2-я книга), Платон («Федон»). Для домашнего чтения он всегда назначал несколько рапсодий «Илиады».

При чтении авторов он обращал больше всего внимания на то, что, как кажется, всего важнее в этом занятии для умственного развития, на строгое, точное понимание мысли писателя. Путем логического рассуждения, иногда довольно сложного, он заставлял слушателя самым отчетливым образом определять, что по ходу мыслей в данном месте объясняемого

---

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 393: «Казалось бы, кроме новых греков, нет другого народа более связанного своими историческими судьбами с древними эллинами, как народ русский».

произведения ожидается и насколько разбираемое выражение этим ожиданиям соответствует. Отсутствие соответствия служило признаком поврежденности текста: требовалось исправить его, то есть, исходя из данного рукописного чтения, найти правильное выражение ожидаемой мысли. Редкая из лекций, посвященных чтению авторов, обходилась без таких критических разборов. Так называемые реальные объяснения, которые при чтении авторов в большинстве случаев слушателю приходится усвоить как нечто вполне готовое, без всяких рассуждений, совершенно пассивно, давались только в случаях крайней необходимости. Не допускал профессор роскоши и в ссылках на литературу предмета; довольно часто, впрочем, слышались имена тех толкователей и критиков, мнения которых обсуждались. Кому приводилось разговаривать с Августом Карловичем о предметах филологии, тот знает, какую массу разнороднейших греческих текстов всегда держала наготове его память: ему ничего бы не стоило уснащать свои толкования бесконечными вереницами параллельных мест. Но и этого он не позволял себе; если действительно была в том надобность, приводил какое-нибудь одно особенно убедительное. Вообще он избегал всего того, что могло бы отвлечь внимание читающих от главной цели чтения.

Эти лекции по чтению авторов были обязательны для всех студентов высших курсов. Студентам разряда древних языков он сверх того на лекциях, назначенных для преподавания метрики или синтаксиса, время от времени давал особые задачи по критике текстов: кончая лекцию, писал на доске какое-нибудь место из автора в том виде, как оно передано рукописями, и предлагал [34] к следующей лекции подумать, нет ли какой ошибки в данном тексте и, если есть, то как ее исправить. Не могу сказать, чтобы наши усилия часто увенчивались успехом, но помню еще, как радовали его эти редкие случаи удачи, помню, каким удовольствием засияли его глаза, когда одному из нас посчастливилось угадать то, что давным-давно было угадано самим учителем⁷⁷, — *avepna* вместо *ebupna* в шестой книге Энеиды.

Кроме Вергилия для той же цели служили в мое время моностихи Публия Сира, если не ошибаюсь, из числа тех, которые также были предметом критической обработки для самого профессора. Из области своих собственных работ давал он обыкновенно и темы для студенческих сочинений. Мне помнится еще одна из них: уменьшительные в языке Марка Аврелия — предмет, которого А. К. впоследствии коснулся в статье *De Marci Antonini commentariis*⁷⁸. Одним словом, он предлагал слушателям

---

⁷⁷ [Lexicon Vindobonense. P. XL; Kritische Bemerkungen. V. // MGR. 1869. T. III. Livr. 1. P. 80 sq.]

⁷⁸ [De Marci Antonini commentariis // Ibid. 1884. T. V. Livr. 1. P. 19 sqq].

только такие задачи, решение которых им самим было уже найдено. Это черта той же строгой научной добросовестности, которая проявилась и в его работах: всякий читавший их знает, как тщательно воздерживался он от суждения о таких предметах, над которыми не был полным хозяином, которых не изучил полно и точно.

Из греческой грамматики он избирал для преподавания чаще всего учение о наклонениях. К слову сказать, преподавание целой системы греческого синтаксиса он считал излишним, по крайней мере для средней школы. По его мнению, большая часть того, что входит в учебники греческого синтаксиса, достаточно бывает ученикам из латинского синтаксиса и из грамматики родного языка. По его словам, в той школе, где он получил среднее образование, в его время ни особых уроков, ни упражнений для греческого синтаксиса не существовало, и это не мешало весьма обильному чтению греческих авторов. Но со студентами он очень аккуратно вел упражнения в переводе на греческий. Латинские тексты для этих упражнений составлял сам, обрабатывая для того избранные места из аттических ораторов, особенно из Исократ.

В его кратком, но содержательном курсе метрики было много [35] самостоятельного: давались главным образом твердые, эмпирически выведенные определения в духе английской школы.

Благодаря мастерской сжатости и воздержанности изложения профессор в небольшое сравнительно время успевал сделать очень многое. Избранная для объяснения трагедия почти всегда дочитывалась до конца. Преподавая курс метрики в течение года при одной лекции в неделю, профессор успевал сообщать студентам такие подробности относительно устройства, например, анапестов и дохмиев, которых не подозревали иные из новейших немецких издателей Софокла⁷⁹.

Все преподавание, не исключая и лекций по древностям, велось полатыни. Латинская речь Наука была простая, ясная, плавная, без анаколуфов, без тех запинаний и припадков задумчивости, которые являются, когда человек ищет выражений и не находит. Не было цicerоновского пуризма в выборе слов, не было и никаких риторических украшений, ни напускных восторгов и громких фраз, ни уклонений от предмета лекции, ни профессорских острот. Одно за другим следовали строгие, точные определения; никаких недомолвок, ничего уклончивого. В тоне голоса слышалась спокойная твердость уверенного в себе знания. Иногда, однако, голос возвышался, и латинская речь становилась очень энергичной и бурной: это бывало, когда приходилось опровергать какую-нибудь очень уж вопиющую неле-

---

⁷⁹[Kritische Bemerkungen. IX. // Ibid. 1885. T. V. Livr. 2. P. 209]: о Беллермане.

пость кого-либо из критиков и толкователей. Иной раз этот поток негодующей латыни обрушивался и на слушателей, если, например, кто-нибудь из них, некстати памятливым, не в добрый час вспоминал ту мудрость, которую некогда со многими слезами и мучениями усвоил в духовном училище — произносили одну из тех глагольных форм, которые откуда-то известны были составителям греческой грамматики для духовных училищ, но не ведомь. были ни одному из древних греческих писателей. Иногда, например, для разбора сочинений, А. К. приглашал студентов и к себе на дом; тут строгий в аудитории профессор обращался в ласковейшего и доброжелательнейшего хозяина и советника. Слушатели скоро убеждались, что, если он был требователен к ним, то и сам с полной добросовестностью относился к своим профессорским обязанностям.

Но все же прежде всего и больше всего он был ученым; научное [36] исследование, муки и радости новых открытий были всегда ближе его сердцу, чем работа преподавания, в которой неизбежно повторение давным-давно известных истин. Поэтому, как только оказалась к тому возможность, 1-го июля 1883 г. он оставил должность профессора и с этой поры жил исключительно интересами научного творческого труда.

Работал он очень много, каждый день часов с девяти и до позднего вечера. Но и те, которые могли наблюдать это неустанное усердие, не сумели бы объяснить, как и когда успевал он сделать так много. Труды, всегда тщательно обдуманые, часто и по объему своему очень крупные, а по внутренним свойствам требовавшие кропотливейшего внимания, следовали один за другим непрерывной чередой. Материал из разнороднейших источников собирался с изумительной полнотой и проверялся до самых последних мелочей. Пустых, праздных промежутков между окончанием одной работы и приступом к другой, по-видимому, никогда не бывало. Едва ли когда-нибудь являлся мучительный вопрос: «Какую бы тему теперь мне избрать?» Пока одна работа переписывалась, мимоходом подготавливались другие: делались заметки и в тетрадях и на разных лоскутках бумаги, на свободных страницах полученных писем, на подвернувшихся под руку конвертах. Большею частью бывало, конечно, так, что одна работа делалась поводом к другой по соприкосновенности темы, по логике научного исследования. Работа некоторых тем на много лет замедлялась наплывом других, но постоянно имелась в виду и постепенно, хотя урывками, подвигалась вперед.

Уже в университете, по совету Бернгарди, Наук задумал издание Порфирия: для этой цели в 1846 г. он сличает рукописи в Мюнхене; в 1848-м дает поправки к тексту Порфирия в своем «Аристофане Византийском» и просит у Г. Германа сведений о Лейпцигской рукописи неоплатоника; не упускает из виду своей задачи еще и в 1850 году, когда пишет рецензию на

Fragmenta historicorum Graecorum Мюллера⁸⁰; наконец, в 1858 г. издает Porphyrii opuscula tria и снова (Opuscula selecta) в 1886. Ради Порфирия⁸¹ обращается к Ямвлиху: [37] дает поправки к тексту этого писателя в 1848 г.⁸² и в 1867-м⁸³; около 1877 г. просит о доставлении ему в Петербург Флорентинской рукописи Ямвлиха⁸⁴; в 1879 г. сам отправляется для ее сличения во Флоренцию и в том же году издает Scholia in Iamblichi de vita Pythagorea librum⁸⁵, а в 1884-м самую книгу De vita Pythagorica.

По собственным его словам⁸⁶, к занятиям отрывками трагиков он приведен был приготовлениями к изданию Еврипида: уже в «Аристофане»⁸⁷ ему удастся указать незамеченные трагические отрывки, а потом эта тема занимает его постоянно, можно сказать, до последнего дня жизни. Вероятно, в связи с ней являются как занятия Стоееем и другими флорилегиями⁸⁸ и мысль об издании Стоеея, не покидавшаяся и в последние годы, так и работы по фрагментам комиков, результаты которых Наук сообщал в различных своих книгах и статьях, начиная от самых ранних и кончая последним из его трудов, вышедших в свет при его жизни⁸⁹. А трагики и фрагменты греческих комиков приводят к Публию Сиру. По прямому свидетельству Наука⁹⁰, по поводу фрагментов трагиков он стал изучать ямбические каноны Иоанна Дамаскина: в особой статье⁹¹ он говорил о них уже в 1855 г., постоянно имел их в виду при различных других своих занятиях⁹²,

---

⁸⁰ [Zu Fragmenta historicorum Graecorum ed. C. Müller, II u. III // Philologus 1850. Bd. V. S. 675. Есть заметка к Порфирию: Porphyrius ad Marc. c. 24 // Ibid. 1851. Bd. VI. S. 323.]

⁸¹ [Iamblichi de vita Pythagorica liber ad fidem cod. Florentini. Accedit epimetrum de Pythagorae aureo carmine. Petropoli, 1884. P. XVIII.]

⁸² [Aristophanis Byzantini fragmenta. Halis. 1848. P. 145, n. 43.]

⁸³ [Kritische Bemerkungen. V. // MGR. 1869. T. III. Livr. 1. P. 81.]

⁸⁴ [Scholia in Iamblichi de vita Pythagorea librum ex cod. Florentino. MGR. 1880. T. IV. Livr. 4. P. 509 sq.]

⁸⁵ Ibid. P. 509–518.]

⁸⁶ [De tragicorum Graecorum fragmentis observationes criticae. Berolini, 1855. P. 1.]

⁸⁷ Ibid. P. 217, n. 55.

⁸⁸ Замечания к флорилегии Стоеея даются в 1849 г. и в 1850-м в: [Zu Stobaei Florilegium // Philologus. 1849. Bd. IV. S. 88, 98, 168, 299, 509, 672, 678; Zu Stobaei Florilegium // Ibid. 1850. Bd. V. S. 35, 118, 140, 144, 413, 527; De florilegio quodam Leidensi // Ibid. 1854. Bd. IX. S. 367–370.]

⁸⁹ [Bemerkungen zu Kock. Comiorum Atticorum fragmenta // MGR. 1892. T. VI. Livr. 1. P. 53–180.]

⁹⁰ [Kritische Bemerkungen. VI. // MGR. 1872. T. III. Livr. 2. P. 338.]

⁹¹ [Ion und Iohannes Damascensus // Zeitschrift für Alterthumswissenschaft. 1855. Bd. XIII. S. 19–22.]

⁹² [Kritische Bemerkungen. IV // MGR. 1866. T. II. Livr. 6. P. 740; Kritische Bemerkungen. V // Ibid.]

а в его бумагах найдены, по-видимому, совсем готовые к печати текст «Канонов» и примечания к нему, начисто переписанные рукой Августа Карловича.

Наблюдая связь тем, легко заметить, что научно-литературная деятельность Наука, с первого взгляда поражающая своим разнообразием [38] или даже разбросанностью, на самом деле распределяется по нескольким циклам, число которых сравнительно невелико. Таким образом и тут оправдывается правило, по которому сосредоточенность научного труда считается важнейшим залогом его успешности. Центры главных циклов могут быть обозначены этими именами: Гомер, Еврипид, Бабрий, Порфирий. К Гомеру примкнули занятия Гесиодом, фрагментами эпиков, Квинтом Смирнским и другими остатками эпической поэзии. К Бабрию⁹³ — занятия Федром. Но при изучении каждого из этих предметов с такой полнотой и точностью исследуем был весь сколько-нибудь соприкасающийся материал памятников литературных и эпиграфических, что в конце концов эти циклы охватили чуть не всю стихотворную греческую письменность, очень значительные доли прозаической, грамматику, метрику, а отчасти и римскую словесность. Разыскивая отрывки греческих трагиков и подражания им у позднейших писателей, Наука приобрел редкую для классического филолога начитанность в византийской литературе, не говоря уже о литературе грамматиков и лексикографов.

Всего замечательнее то, что на большую часть этой громадной области знания он победоносно заявил свои права уже в первой своей объемистой работе, напечатанной, когда автору было всего двадцать шесть лет. Известный историк классической филологии в Германии⁹⁴, если я верно его понимаю, называет книгу об Аристофане Византийском прообразом собственной научной деятельности ее автора в том смысле, что, как Аристофан Византийский занимался особенно критикой Гомера и трагиков, так и Наука. Мы бы назвали ее не прообразом, а программой; в ней уже намечаются почти все главные предметы будущих научных изысканий автора,

---

1869. T. III. Livr. 1. P. 57, n. 13, 128; 1872. T. III. Livr. 2. 338–343; *Kritische Bemerkungen* VII // *Ibid.* 1876. T. IV. Livr. 1. P. 185 sq.; *Kritische Bemerkungen*. VIII // *Ibid.* 1880. T. IV. Livr. 4. P. 496; *Kritische Bemerkungen*. IX // *Ibid.* 1885. T. V. Livr. 2. P. 249.]

⁹³ [*Kritische Bemerkungen*. VIII // *Ibid.* 1880. T. IV. Livr. 5–6. P. 666.]

⁹⁴ *Bursian* C. *Geschichte der classischen Philologie in Deutschland*. S. 870: «Nauck's erste grössere litterarische Arbeit war gewissermassen vorbildlich für seine spätern wissenschaftlichen Leistungen: sie galt dem Aristophanes von Byzanz, einem alexandrinischen Grammatiker, dessen kritische Thätigkeit neben Homer besonders den Tragikern gewidmet war» [Первая большая работа Наука была в известной мере прообразом его дальнейших ученых занятий: она касалась Аристофана Византийского, александрийского грамматика, который критически анализировал наряду с текстом Гомера особенно трагиков].

подвергаются критической обработке не только тексты Гомера и сохранившихся пьес или отрывков трагиков, но и комиков, Порфирия и Ямвлиха, Бабрия, схолиастов, лексикографов, надписей. Что касается до Гомера, то тут уже даются положения почти всей будущей критики Наука в суждениях, например, о значении деятельности [39] древних критиков⁹⁵, в протесте против аристархомании и защите чтений Зинодота⁹⁶, в объяснении повреждений текста ошибочным переводом с древнейшей орфографии на новую⁹⁷ и напрасным страхом грамматиков перед ложными хиатами⁹⁸, и во многих других замечаниях, которые впоследствии полнее были им развиты и обоснованы. Постоянство было выдающейся чертой его природы, постоянство и в научных вкусах: верность раз избранным предметам ее, воззрениям, даже внешним приемам работы. С иными из людей, занимающихся наукой, нередко случается, что после долгого изучения какого-нибудь вопроса они, если позволительно так выразиться, набивают оскомину; им надоедает прием или и самый предмет изучения, они покидают его и даже думать о нем избегают. Август Карлович почти не знал этой малодушной слабости, или, по крайней мере, не давал ей власти над собой. Постоянно переходя от одной исполненной научной задачи к другой, он никогда не терял из виду предметов прежних своих работ. Поля его собственных экземпляров печатных его трудов испещрены собственноручными заметками из разных лет. Чаще всего это — дополнение к материалу, лишний раз подтверждающее какое-нибудь положение прежней работы. Этим объясняется, почему в своих трудах он довольно часто возвращался к положениям, уже прежде им высказанным: почти при каждом таком повторении увеличивался запас доказательств. Но к повторениям побуждало и другое еще обстоятельство: западноевропейские ученые знали и ценили Наука, главным образом, по тем его трудам, которые выходили в Германии, работы, печатавшиеся в России были, по чисто внешним причинам, сравнительно мало известны. Иной раз какой-нибудь и очень видный ученый продолжал утверждать или выдавать за свое открытие то, что в Петербурге давно было опровергнуто или давно было открыто.

Никогда не уставал он изменять, исправлять, дополнять то, что раз уже было сделано. Если он переиздавал какую-нибудь [40] книгу, всегда оказывалось, что он все заново передумал сам и воспользовался, как находил нужным, всем, что со времени предшествующего издания принесла нового

---

⁹⁵ Aristophanis Byzantini fragmenta. P. 19, 28, 55, 59.

⁹⁶ Ibid. P. 26, 56.

⁹⁷ Ibid. P. 53 sq.

⁹⁸ Ibid. P. 34.

наука. Огромного труда стоило первое издание отрывков трагиков: нужно было внимательно перечесть необозримую массу памятников греческой и римской литературы, принять во внимание все, что касалось этого предмета в литературе по истории трагедии, по мифологии, по грамматике, по метрике, по критике, обработать этот неисчерпаемый материал и результатам дать самое сжатое и самое точное изложение. Издание вышло в 1855 году. Скоро он считал необходимым уже новое издание и очень сожалел, что долго не представлялась возможность его предпринять. Как только она явилась, шестидесятилетний издатель бодро и смело принялся опять за переработку самого большого своего труда⁹⁹. Тридцатилетие, истекшее с появления первого издания, было временем кипучей деятельности и в других областях греческой филологии и в изучении трагиков. Многие тексты писателей, из которых взяты были отрывки, требовали нового пересмотра, так как благодаря новым изданиям изменили свой вид. Обнародовано было немало новых и очень замечательных фрагментов. В 1889 году вышло это второе издание объемом в тысячу с лишком страниц, настолько отличающееся от первого, что автор с полным правом мог назвать его почти совсем новой книгой. Едва была покончена эта работа, как Наук спешил уже дать ее материалу еще новое употребление: составил к ней подробный указатель слов (*Tragicarum dictionis index*). Еще на два с лишком года сосредоточивает он внимание на фрагментах трагиков. Когда печатание указателя приходило к концу, А. К. имел уже опять наготове множество заметок, исправлений и дополнений к своему второму изданию фрагментов: еще раз принимается он за работу и, как бы взамен третьего издания, дает в приложении к указателю *Supplementum ad tragicorum gr. fr.* Конечно, и для него иная работа была не особенно [41] приятна; но он определял свою деятельность не тем, что ему было приятно или неприятно, а тем, что, по его мнению, было нужно. В последние недели жизни, когда еще раз он должен был перечитывать массу Софокловской литературы и выбирать из кучи плевел зернышки пшеницы, чтобы устроить *девятое* издание *Электры*, он в письме к одному из ученых друзей, упомянув о другом, которому наскучил предмет многолетних занятий, прибавлял: «In ähnlicher Weise ist Sophokles allmählich mir verleidet worden, namentlich auch weil ich kaum noch im Stande bin neue und sichere Besserungen des fehlerhaften Textes zu finden» [Подобным образом и мне мало помалу опротивел Софокл, прежде всего

---

⁹⁹ Один сравнительно молодой, но весьма уже известный филолог, услышав об этом, писал Науку: «Ihren Entschluss die trag. fr. noch einmal zu machen, gestehe ich zu bewundern: er zeigt uns jungem, wie man streben soll» [Признаюсь, что я не устаю восхищаться Вашим решением взяться еще раз за фрагменты трагиков: оно показывает нам, молодым, как нужно усердно работать].

потому, что я вряд ли уже в состоянии предложить новые и надежные улучшения испорченного текста]. Но это не помешало ему с обычной точностью пересмотреть литературу и текст, сделать множество исправлений и с обычной пунктуальностью к предположенному сроку приготовить издание.

Человек такого выдающегося остроумия и таких редких знаний легко мог бы проникнуться мыслью, что должен беречь свои силы и время для высших научных задач и имеет право механический труд предоставить ученым чернорабочим. Август Карлович так любил свою науку, что никакой труд, ей полезный, не считал для себя унизительным. Обычной принадлежностью его критических изданий были подробнейшие указатели: сколько раз приходилось ему браться за эту докучливую, изнуряющую работу! Указатели к Мейереву Ликургу, к Аристофану Византийскому, к *Lexicon Vindobonense*, к Порфирию, к Ямвлиху, оставшиеся в рукописи указатели слов к гимнам Иоанна Дамаскина и Синесия, наконец, и эти *indices fontium* к обоим изданиям «отрывков трагиков», от которых в глазах пестрит, как от логарифмических таблиц — все они, насколько мне известно, составлены Августом Карловичем собственноручно. Когда решено было издавать *Index tragicae dictionis*, А. К. условился с другим редактором издания делить труд поровну; но затем очень часто по собственному вызову нарушал это соглашение, увеличивая свою долю работы. Сам переписывал какое-нибудь свое рассуждение, он тщательно сверял с текстами все сделанные в нем цитаты и ссылки. Быть отличным корректором, конечно, не Бог вещь какая слава и добродетель. Но цельные, строгие натуры и в этих мелочах себя проявляют: вошедшая в плоть и кровь привычка каждое дело делать как можно точнее и тут сказывалась. Уже при чтении первой корректуры посредством четкой и педантически постоянной системы знаков указывался каждый замеченный порок печати, хотя бы и [42] такой незначительный, как буква, бледно отпечатавшаяся, или запятая, слишком близко придвинутая к слову, или строка, чуть-чуть изогнутая. А корректуру читать приходилось вдоволь и своих и чужих: когда для помещения в академических изданиях представляется работа, заключающая в себе греческие тексты, наблюдение за печатанием обыкновенно поручается академику-представителю классической филологии. Кроме того, А. К. охотно брал на себя и корректуру сочинений своих друзей. Готовность исполнить какой угодно труд на пользу науки и умение работать и точно и быстро были таковы, что он не отказывался даже и от таких задач, как составление и переписывание для академической библиотеки каталога изданий греческих и римских писателей, наполняющего два огромных фолианта.

Как бы ни был он занят собственной работой, никогда не считал себя

в праве пренебрегать ознакомлением с чужими трудами, с новыми явлениями литературы своего предмета. Читал он много, скоро и, главное, опять-таки умело: с удивительной быстротой находил то, что было важно или вообще и для какой-нибудь его собственной работы. Бывало — при-дешь к нему, он показывает последние научно-литературные новинки: иная книга получена всего несколько дней назад, а на ее полях уже обозначены карандашом четким чистым почерком поправки-конъектуры читателя, а на обложках книги чернилами написаны заметки, требовавшие более места. Часто из таких заметок, сделанных на обложке, вырастали Науковские рецензии, блещущие обилием учености и остроумием. В его бумагах сохранились еще обложки двух томов книги Г. Курциуса о греческом глаголе; они исписаны такими заметками: это остов двух из самых ученых и самых суровых рецензий Наука.

Известно, что многие его труды имели форму более или менее строгих разборов чужих работ. Часто и в трудах иной формы он мимоходом высказывал порицание какой-нибудь мысли, догадке или целой книге. Непростительно ошибся бы тот, кто из обилия полемического начала в ученых произведениях Наука стал бы делать заключения о личном его характере. Poleмика полемике рознь. Как ни хотелось бы верить в облагораживающее влияние классицизма, все-таки приходится сознаться, что в полемике филологов-классиков часто проявляют себя грубая безвкусица, нетерпимость, недобросовестность, нравы «жестокие» или даже совсем непристойные. [43] Грубость этих нравов Наук не раз изведал на самом себе. Даже такой остроумец, как Мориц Гаупт, в пылу полемического увлечения нисходил до пошлого подшучивания над фамилией Наука¹⁰⁰: чуть ли не остроумнее, а во всяком случае деликатнее многоученого берлинского академика каламбурили петербургские полуграмотные почтальоны, которым очень туго

---

¹⁰⁰ Гаупт в одной из своих программ по поводу одного из спорных мест «Электры» Софокла выразился: «*Quod autem Nauckius addit (servatus ipsa eius verba ne quid elegantiae pereat), als Gen. Plur. gefasst verdirtt ἄχέων die Tendenz des Chors, id non nauci habemus, quamquam fortiter dictum est.*» [А то, что добавляет Наук (мы сохраняем его слова, для того чтобы не пропало их изящество), понятое (им) как Gen. Plur., ἄχέων (т. е. сильно) искажает намерение хора, — мы не ставим ни во что, пусть даже это и крепко сказано.] Прекрасный по невозмутимости и спокойствию ответ на этот каламбур дается в [Kritische Bemerkungen. IV // MGR. 1866. Т. II. Livr. 6. P. 664]: «Das Hauptische Programm scheint nicht sowohl auf Belehrung als auf Unterhaltung der Leser berechnet zu sein; es freut mich dass auch mein Name dem Verfasser zu einer höchst geistreichen Wendung verholfen hat. Die Worte, welche Haupt mir beilegt, sind trotz seiner Versicherung, dass er meine Worte wiedergebe, mir fremd; sie rühren her von Schneidewin» [Программа Гаупта, кажется, рассчитана не столько на ученость, сколько на развлечение читателей. Меня радует, что также и мое имя помогло автору (создать) в высшей мере остроумное выражение. Слова, которые Гаупт мне приписывает, несмотря на его уверение в том, что он передает мои слова, на самом деле не мои. Они принадлежат Шнейдевину].

давалось различие понятий «академик Наук» и «Академия наук». Август Карлович в своей полемике не только избегал шутовства, унижительного для достоинства науки, но и вообще не позволял себе припутывать к научному спору обстоятельства и соображения, до науки не касающиеся. Являясь критиком чужой работы, он судил именно работу, а не человека. Какие бы недостатки ни находил в отдельном труде, он не брался произносить приговор надо всей деятельностью автора. Судил не о том, истинно или ложно то или другое положение, автором высказанное. В этом суждении он не стеснялся никакими посторонними соображениями: не хвалил по дружбе того, с чем не был согласен, но и не переставал ценить человека из-за его ученого с ним разногласия. Мы видели, с каким теплым чувством отзывался он о своем учителе — Бернгарди: однако уже в первой своей книге, в ту пору, когда очень нуждался в благосклонной поддержке влиятельных особ тогдашнего ученого мира, не стеснялся противоречить учителю¹⁰¹. Уважение Наука к Мейнеке и близость их личных отношений не мешали ученым размолвкам между ними, иногда, по-видимому, очень сильным, особенно в то время, когда Мейнеке вместе с другими берлинскими филологами, Шейфертом и Гауптом¹⁰², вел поход [44] против Софокловской критики Наука; но и после 1863 года, после Мейнекова «Эдипа Колонского», Наук продолжал переписываться с ним¹⁰³ и величал его гениальным¹⁰⁴.

Точно так же и страстная полемика¹⁰⁵ с Бергком не лишила Наука способности с восхищением признавать *eximium acumen* [исключительное остроумие] своего противника¹⁰⁶. Критику Гомеровского текста Наук особенно близко принимал к сердцу; во взглядах на этом предмете [sic!] он, как известно, далеко расходился с кенигсбергской школой. К этому присоединялись еще и другие поводы к разногласию с ней: крупнейшее по объему из произведений кенигсбергских эллинистов — Ленцовский Геродиан — едва ли хоть раз было упомянуто Августом Карловичем без сильнейших выражений порицаний. Однако, судя по некоторым устным его заявлениям, он питал очень теплое сочувствие к личному характеру главы этой школы: о

---

¹⁰¹ Например, *Aristophanis Byzantini fragmenta*. V. 49, n. 62.

¹⁰² Им троим петербургский академик отвечает преимущественно в: [Kritische Bemerkungen. IV // MGR. 1866. Т. II. Livr. 6. P. 657 sq.].

¹⁰³ *Lexicon Vindobonense*. P. XXXIV₃₂.

¹⁰⁴ [Bemerkungen zu Georg Curtius «Das Verbum der griechischen Sprache II». P. 297.]

¹⁰⁵ См. особенно статьи Наука: [Zur Kritik Griechischer Dichter // Jahrbuch für Philologie. 1868. Bd. 97. S. 753 sq.; Ibid. 1872. Bd. 105. S. 803 sq.]

¹⁰⁶ [Bemerkungen zu Georg Curtius «Das Verbum der griechischen Sprache II». P. 391.]

работах Лерса он всегда отзывался с уважением гораздо прежде, чем узнал¹⁰⁷, что тот не разделяет некоторых увлечений своих последователей; Лерсу посвящено и третье издание Еврипида. В различных своих трудах Наук строго осуждал известные слабые стороны деятельности Кобета; статья «Ueber Cobet's Behandlung des Euripides»¹⁰⁸ представляет одно из самых сильных и резких нападений, каким только подвергается великий голландский критик; а все же, в предисловии к «Илиаде»¹⁰⁹ Наук из всех филологов своего времени Кобету отдает пальму первенства и его называет *egregius studiorum nostrorum signifer* [высокоцитимый предводитель наших штудий].

Очевидно, если наш учитель имел некоторую склонность придавать целым своим сочинениям или отдельным суждениям формы полемические, и если в его полемике была какая-то суровость, то непозволительно объяснять это какими-нибудь низменными побуждениями; с таким объяснением несогласимо это чувство справедливости, это умение воздавать должное чужим заслугам. Непозволительно искать объяснения в гордости и самомнении: ничего подобного таким [45] чертам характера никогда не проявлял он ни в жизни, ни в своих произведениях. Часто выпадала на его долю радость находить документальные подтверждения своим критическим догадкам, и он имел привычку время от времени подводить как бы итог таким исполнившимся прорицаниям¹¹⁰; но уже самый тон речи его в таких случаях показывает, что он делает это не для собственного прославления, а для того, чтобы защитить ту отрасль науки, для которой сам он всего больше потрудился. Раз, приведя несколько подтвердившихся конъектур, он прибавляет¹¹¹: «Само собой разумеется, мне не приходит на мысль считать все мои догадки непогрешимыми из-за того, что счастливый случай подтвердил ту или другую из них; но из предшествующего сообщения вытекает, по крайней мере, то, что конъектуральная критика представляет собой нечто более важное, чем упражнение досужего остроумия, и что

---

¹⁰⁷ [Homeri Ilias cum potiore lectionis varietate. Berolini, 1877. I. P. VIII.]

¹⁰⁸ [Über Cobets Behandlung des Euripides // Philologus. 1856. Bd. XI. S. 460–467.]

¹⁰⁹ Vol. posterius. P. X.

¹¹⁰ См., напр.: [Euripideische Studien, erster Teil // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VII-e Série. 1859. T. 1. № 12. P. 20; Euripideische Studien, zweiter Teil // Ibid. 1862. T. 5. № 6. P. 28¹. Kritische Bemerkungen. V. // MGR. 1869. T. III. Livr. 1. P. 57, 79; Kritische Bemerkungen. VI // Ibid. 1872. T. III. Livr. 2. P. 279⁸¹; Kritische Bemerkungen. VII // Ibid. 1876. T. IV. Livr. 1. P. 164, 214³¹; Kritische Bemerkungen. VIII // Ibid. 1880. T. IV. Livr. 5–6. P. 663; Kritische Bemerkungen. IX // Ibid. 1885. T. V. Livr. 2. P. 214⁵⁵; Porphyrii philosophi Platonici opuscula selecta. Ed. 2-f. Lipsiae, 1886. P. XVI sq.]; а особенно [Kritische Bemerkungen. VII // MGR. 1876. T. IV. Livr. 1–2. P. 217³³; 1880. T. IV. Livr. 4. P. 453¹⁷].

¹¹¹ [Kritische Bemerkungen. VII // Ibid. 1877. T. IV. Livr. 3. P. 253; 1876. T. IV. Livr. 1–2. P. 217.]

поэтому самому неразумно слепо доверять рукописям и считать правильными те только конъектуры, которые перестали быть конъектурами. Никогда не величался он своими заслугами, никогда в ученом споре не противопоставлял своего авторитета доводам противника, хотя бы и самого слабого, не требовал для себя привилегий непогрешимости¹¹² или неподсудности суду ученой критики. Стойко защищал свое мнение, но раз убеждался в справедливости чужого, прямодушно жертвовал своим¹¹³. Его оценка своих собственных трудов была очень далека от самодовольства. Своего «Аристофана Византийского» называл он юношеским опытом, требующим много дополнений и поправок¹¹⁴. Когда один немецкий ученый предложил взять на себя труд составления указателя слов к первому изданию отрывков трагиков, [46] Наук просил подождать, пока оно будет заменено работой более полной и удовлетворительной¹¹⁵. Совершив эту замену, выполнив второе издание, он через три года писал уже¹¹⁶: «Si tertia huius operis editio esset instauranda, quaedam deleberem, plura adderem mutarem plurima» [Если бы стали готовить третье издание этого труда, то я бы некоторые вещи исключил, многое добавил, многое изменил]. Говоря о том, что считал ошибочным в своих трудах, он употреблял выражения порицания ничуть не мягче тех, которыми осуждал чужие заблуждения¹¹⁷.

---

¹¹² См.: [Bericht über E. Miller, Mélanges de littérature grecque // Ibid. 1869. T. III. Livr. 1. P. 177]: «Wir machen dem Herausgeber keinen Vorwurf daraus dass er bei dem übel zugerichteten Texte manche Fehler übersehen, andere falsch behandelt, öfters auch Fehler vorausgesetzt hat wo keine zu sein scheinen: an derartigen Mängeln krankten wir alle, und keiner hat ein Recht sich seiner Erfolge zu rühmen» [Мы не упрекаем издателя в том, что он при плохо подготовленном тексте просмотрел некоторые ошибки, другие места неправильно истолковал, часто также видел ошибки там, где, кажется, никаких ошибок нет: такими недостатками болеем мы все, и никто не имеет права кичиться своими успехами].

¹¹³ См., например: [Kritische Bemerkungen. IV // Ibid. 1866. T. II. Livr. 6. P. 631]: «Meinen Vorschlag... gebe ich gern preis... Die nachher von Sauppe gegebene Ergänzung... verdient vor der meinigen den Vorzug» [От моего предложения... я охотно отказываюсь. Дополнение, которое после меня предложил Зауппе... заслуживает предпочтения].

¹¹⁴ [Bericht über E. Miller, Mélanges de littérature grecque // Ibid. 1869. T. III. Livr. 1. P. 174.]

¹¹⁵ [Tragicae dictionis index spectans ad tragicorum Graecorum fragmenta ab Augusto Nauck edita. Petropoli, 1892. P. III.]

¹¹⁶ Ibid. P. V.

¹¹⁷ Сохранилось письмо очень молодого автора одной диссертации по Гомеровской грамматике. Поблагодарив Науку за лестный отзыв о ней, он продолжает: «Wenn Sie aber schreiben, es sei mir gelungen Vieles in Ordnung zu bringen was von Ihnen teils übersehen teils falsch behandelt worden war, und daran eine wirklich rigorose Selbstkritik Ihrer Homerausgabe knupfen, so kann ich Ihnen hierin nicht beipflichten». [Однако когда Вы пишете, что мне удалось привести в порядок многое из того, что Вами частично было упущено, частично же неправильно истолковано, и вдобавок к этому Вы присоединяете действительно строгую самокритику своего издания Гомера, то в этом я не могу с Вами согласиться].

Если он так относился к мнимым или действительным недостаткам своих собственных работ, то очевидно, что его полемическое отношение к чужим ошибкам и заблуждениям вытекало не из самолюбия или зависти. И в этом случае он действовал по принципу, исполнял то, что считал своим долгом. Он был убежден, что, замечая ложь, обязан обличить ее и, зная истину, обязан высказать ее. И этот принцип, как многие другие, которым он оставался верен до конца жизни, был признан им уже в самом начале ученой деятельности. Двадцатитрехлетний автор статьи «*Parerga critica*»¹¹⁸, приглашая знатоков предмета обсудить высказанные в ней мнения, в заключение говорил: «Хорошо поступают те, которые снисходительно смотрят на человеческие заблуждения, но еще лучше те, которые не гнушаются исправлять чужие заблуждения и высказывать то, что сами знают лучше других»¹¹⁹. В своей науке он многое «знал лучше других» и потому обязан был поступать по второй половине этой заповеди.

В его житейских отношениях к людям не было ни сентиментальной слащавости, ни той равнодушной любезности, которая исчерпывается ласковыми словами и лживыми обещаниями; но зато была искренняя благожелательность и деятельная готовность быть [47] полезным. Особенно, конечно, собратям по науке классической филологии, и здешним и заграничным, приходилось изведать эту готовность. Он помогал то драгоценным указанием из богатого запаса своих знаний, то выдачей редкой книги из своей библиотеки, то ходатайством о доставлении греческой или латинской рукописи, то брал на себя труд сличения, то читал корректуру чужой работы. Очень часто на этой почве совместного служения науке возникали прочные дружеские отношения. Чтобы не называть живых, упомянем из петербургских ученых о покойных К. Ф. Нейлисове и К. Я. Люгемиле. Первый, человек замечательно широкого образования, был ревностнейшим поклонником критического таланта Наука, а сам делился с ним плодами своей начитанности в византийских историках. По темпераментам, по складу натур, по отношениям к запросам жизни, по технике ученой работы, а отчасти и по научным воззрениям Наука и Люгемиль очень сильно между собой различались. Но крепкой связью дружбы соединяли их взаимно личное уважение и горячая преданность науке. Обыкновенно они видались каждый день, беседуя и споря о научных вопросах, о своих работах. В одной главе «Критических заметок»¹²⁰ Наука, говоря о родитель-

---

¹¹⁸ Например: [Kritische Bemerkungen. VI // MGR. 1872. T. III. Livr. 2. P. 236 sq.] он называет одну свою догадку *durchaus verfehlt* [полностью ошибочной].

¹¹⁹ [Parerga critica // Philologus. 1846. Bd. 1. S. 360.]

¹²⁰ [Kritische Bemerkungen. VIII // MGR. 1880. T. IV. Livr. 4. P. 466.]

ных на оо оо, мимоходом, в скобках, выразил свой взгляд на происхождение такого образования этого краткой формулой: «ursprünglich оо». По поводу этого «ursprünglich оо» Карл Якимович напечатал по-русски и по-немецки обширную статью, страниц в 60, в опровержение того, что он называл «странным предположением» своего друга. Нечего и говорить, что от этой ученой размолвки дружеские отношения нисколько не охладели.

Из тех иностранных ученых, которых уже нет более в живых, особенно близки, кажется, были к Науку, кроме К. Кейля и Мейнеке, еще Герхер¹²¹ и Мориц Шмидт¹²². Из современных филологов очень многие переписывались с Августом Карловичем. Иные, как показывают их задушевные письма, сделались его преданнейшими почитателями и друзьями, никогда его не видав, а зная только по его трудам и по переписке. Он состоял в корреспонденции с учеными германскими, австрийскими, греческими, [48] итальянскими, французскими, английскими. Особенно в последние годы очень легко было ему пополнять свою библиотеку: стекавшиеся со всех сторон литературные приношения авторов свидетельствовали о глубоком уважении, которым он пользовался у классических филологов всех стран.

Если для ученого может быть источником удовлетворения признание его заслуг другими представителями его науки, то А. К. не мог пожаловаться на то, что для него этот источник бил скудной струей. Не будем упоминать тех отзывов об отдельных его работах, в которых сказывалось удивление к его широкой и точной учености, а его критическое остроумие называлось гениальным. Уже при его жизни дана была общая характеристика и оценка цельной, обширной и важной группы его трудов.

Один из самых блестящих эллинистов нашего времени¹²³, при том вовсе не щедрый на похвалы, в книге, которая появилась еще при жизни Наука, во многом не соглашаясь с петербургским академиком, говорил, однако: «В продолжение последних» четырех «десятилетий обработкой большей части греческих текстов, а особенно текстов трагиков, занимался критик, у которого никто желающий быть справедливым не станет оспаривать прав на первое место среди знатоков греческого языка. Это — Август Наук... Его собрание трагических отрывков представляет неподражаемый образец для работ такого рода. Своей деятельностью по исправлению текстов он завоевал себе место в первом ряду критиков Еврипида и первое место между критиками Софокла... Насколько стоит он выше своих современников, можно измерить уже по тому, что он чуть-чуть не один остался

---

¹²¹ [Iamblich de vita Pythagorica. P. XVIII.]

¹²² См., например: Lexicon Vindobonense. P. XI.

¹²³ Wilamowitz-Moellendorf U. Euripides. Herakles. I. S. 251.

почти совершенно свободен от модных заблуждений относительно источников текстов трагиков».

Не было недостатка и в знаках почета со стороны ученых учреждений. С 1861 года А. К. был ординарным академиком Петербургской Академии и членом-корреспондентом Берлинской¹²⁴, с 1870 г. членом Афинского археологического общества, с 1881 г. корреспондентом Геттингенского ученого общества, с 1884 г. почетным членом Киевского университета св. Владимира, с 1885 г. [49] иностранным членом Нидерландской академии наук, с 1887 г. почетным членом греческого Константинопольского филологического общества, с 1889 г. иностранным членом Мюнхенской академии и корреспондентом французской Académie des inscriptions¹²⁵, с 1891 г. почетным членом Афинского ученого общества.

Подобное признание ученых заслуг иногда является слишком поздно, когда чествуемый вынужден сознаться самому себе, что его деятельность покончена, что нет уже сил для достойного продолжения ее, когда подносимые ему дипломы и адреса должны казаться ему чем-то вроде надгробных надписей. Судьба, так сурово преследовавшая Августа Карловича в первую половину его жизни, затем, как будто заглаживая свою несправедливость, дала ему и счастье семейной жизни, и средства, достаточные для скромных потребностей ученого, и возможность успешной плодотворной деятельности на таком поприще, для которого он был создан, которое ему всего более было по душе, а сверх всего этого еще и это великое благо: полное обладание умственными силами до последнего часа жизни.

И семидесятилетний возраст не смог сокрушить того счастливого сочетания сильного рассудка с твердой памятью, которое заявляет о себе в самой мелкой его работе. Последний напечатанный им труд, разбор «комиков» Кокка, и по критической изобретательности и по богатству фактического материала принадлежит к числу лучших его произведений. Тексты греческих поэтов, особенно Гомера и трагиков, казалось, в полном их объеме и с их вариантами запечатлены были неизгладимыми чертами в его памяти: стоило заговорить с ним о каком-нибудь месте, он тотчас приводил наизусть столько стихов, сколько было нужно. Когда составлялся указатель к отрывкам трагиков, нам приходилось иной раз спрашивать мнения Августа Карловича о каком-нибудь выражении, встречающемся в том или другом из самых незначительных безыменных фрагментов: произнесешь только выражение, А. К. тотчас называет уже и номер фрагмента и страницу издания, на которой он напечатан. Эта завидная способность должна была, конечно,

---

¹²⁴ Диплом подписан Тренделенбургом и Гауптом.

¹²⁵ Она избрала Наука на вакансию Г. Курциуса.

особенно пригодиться, а отчасти, вероятно, и еще сильнее развилась при занятиях литературой фрагментов: [50] недаром Бернгарди в эту сторону старался направить научную деятельность своего ученика. При этих занятиях исследователь, даже и очень начитанный, но недостаточно твердо помнящий то, что читал, легко может попасть впросак, приняв какую-нибудь неточную цитату из сохранившегося произведения за отрывок утраченного. Сколько раз Науку удавалось изобличать такого рода промахи! Оказывалось, например, что стихи св. Иоанна Дамаскина усвоились языческим поэтам, трагикам или эпикам¹²⁶, что первостепенный знаток Гомера Лерс не узнал Гомеровской цитаты в грамматическом тексте, им самим изданном. И это виртуозное мастерство определения источников безымянных цитат проявляется уже в таких ранних произведениях Наука, как книга об Аристофане Византийском, где отмечается несколько подобных ошибок, допущенных самим Мейнеке¹²⁷, или как статьи под заглавием «Verse bei Prosaikern»¹²⁸.

До последних дней жизни не покидала Августа Карловича и научная предприимчивость. Кончая указателем к отрывкам трагиков и девятое издание Софокловой «Електры», он собирался приступить к печатанию канонов Дамаскина, подписывал контракт на издание греческих эротиков, обещал дать Стовея, мечтал написать особую книгу о Гомеровской критике и другую о Софокловской.

Долго не изменяло ему и физическое здоровье. В последние годы сколько-нибудь серьезно он страдал только одним недугом, но зато очень для него мучительным — болезнью глаз. Она вызвана была, по-видимому, слишком обильным чтением корректур и несколько раз возвращалась, в последний раз — из-за корректуры шестого издания «Трахинянок». Доктора навсегда запретили заниматься при вечернем освещении. Но и в эти часы невольного досуга, сидя в кругу семьи, филолог не мог забыть своих греков: иногда он задумывался и, забывшись, произносил какой-нибудь греческий стих, очевидно, пробуя-примеряя какую-нибудь новую конъектуру. Если бы не болезнь глаз, Август Карлович и на седьмом десятке, казалось, не имел бы повода жаловаться на слабость здоровья. Тем более изумил он в последние годы и смущал своих собеседников, [51] предаваясь иногда таким размышлениям, которые очень походили на ожидания близкой смерти, на уверенность, что многое из задуманного останется неисполненным. Насколько я мог заметить,

---

¹²⁶ [Ion und Johannes Damascenus; Kritische Bemerkungen. V // MGR. 1869. Т. III. Livr. 1. P. 57₁₃.]

¹²⁷ Ibid. P. 230. Ср.: [Euripideische Studien, erster Teil. S. 25]. Kritische Bemerkungen. IV // MGR. 1866. Т. II. Livr. 6. P. 740].

¹²⁸ [Verse bei Prosaikern // Philologus. 1849. Bd. IV. S. 357–361; 1850. Bd. V 551–563.]

такие настроения стали посещать его со времени внезапной кончины К. Я. Люгебиля. Ожидалось вступление Карла Яковлевича в Академию; новые узы товарищества по деятельности в одном и том же учреждении должны были связать старых друзей; смерть, совершенно неожиданно похитив младшего из них, разрушила эти ожидания. Сильно потрясла Августа Карловича утрата друга, с которым он привык делиться каждой своей мыслью; долго не мог он вернуть прежнего спокойствия и ясности душевной. В 1889 г., приглашая одного из своих учеников к участию в издании указателя *tragicææ dictionis*, он заявлял, что один не решается приступить к этому предприятию, так как опасается, что не доживет до его выполнения. Это он повторил и в предисловии к указателю, которое написал месяца за три до смерти. Как будто для того, чтобы предотвратить исполнение своих опасений, с работой по этому изданию он спешил необыкновенно. Печатание было начато, когда была доставлена сотрудниками и просмотрена редакторами первая часть рукописи, содержащая одни лишь слова на первую букву алфавита. Он был бесконечно благодарен тем из сотрудников, которые быстро справлялись со своей долей работы, и глубоко огорчался всякой задержкой: если мог сам что-нибудь сделать для ускорения, тотчас оставлял другие свои труды и принимался за этот, самый докучливый из всех. Последней весной печатание самого указателя было уже почти окончено, было набрано уже предисловие, приготовлены в рукописи дополнения и поправки к отрывкам, оставалось дать дополнения и поправки к указателю: можно было надеяться, что летом скоро удастся справиться и с этой работой, а вместе и отдохнуть от зимнего напряженного труда. Лето Август Карлович проводил в Териоках. Каково было лето — непрерывные дожди, холода и в заключение — вести о приближении грозной азиатской гостьи — помнят все обитатели Финского побережья. Простительно было уноситься мечтами к другим морям, в другие страны. В конце июня в черновом наброске письма к одному очень дружески расположенному итальянскому ученому А. К. жаловался: «Wir leiden hier unter der Ungunst des nordischen Himmels: Kälte, Wind, Regen, Schmutz bannen uns an das Zimmer. Wie wohler würde ich mich fühlen in dem unvergleichlich [52] schönen...» [Мы страдаем здесь от неприветливости северного неба; холод, ветер, дождь и грязь загоняют нас в комнату. Насколько бы лучше я чувствовал себя в несравнимо прекрасной...]. Что это за несравнимо прекрасная страна — не дописано. Конечно, Италия: всего раз и очень недолго был он в ней, но никогда не мог забыть ее. Работа над указателем продолжалась, однако, безостановочно. Когда уже последняя часть рукописи сдана была в типографию, 13-го июля он писал своему сотруднику: «möchte das Buch im Laufe dieses Monates fertig werden» [Я бы хотел закончить книгу в течение этого месяца]. В следующем месяце ему уже не суждено было трудиться над сво-

ей книгой: первого августа он возвратил корректуру последних страниц своей последней работы, а утром третьего — отошел на вечный отдых.

Памяти В. К. Ернштедта¹²⁹

[I] Со смертью Виктора Карловича Ернштедта исчезла одна из самых значительных сил нашей филологической науки.

Это был большой и своеобразный научный талант. С удивительно ясной сознательностью покойный делал все, чтобы развить и укрепить свои природные дарования, и с замечательной последовательностью избирал предметами своих научных работ те задачи, для решения которых его именно дарования были как раз всего нужнее.

Уже на школьной скамье в нем сказался талантливый критик древних текстов. Почти все его ученые произведения имеют главным своим предметом критику или критическое издание преимущественно греческих текстов, классических или средневековых. Между современными классическими филологами едва ли найдется хотя один, которому наш так рано скончавшийся сочлен уступал бы качеством исполненной им критической работы. Поразительна была меткость взгляда, с которой он определял места, размеры и поводы повреждений текстов; нельзя было не восхищаться тем мастерством, той силой вдохновения, с которыми он из совершенно ничтожных иногда остатков разрушенного текста воссоздавал чтения, носящие в себе все признаки очевидной подлинности.

Очень рано он в совершенстве освоился со всей техникой и орудиями критического искусства. Он обладал широкой начитанностью и тонким знанием греческого языка различных эпох и различных видов литературных. Постоянные и с самого начала по строго обдуманному плану веденные занятия греческими рукописями сделали его выдающимся знатоком всех отделов греческой палеографии.

Сочетанием интересов критических с палеографическими объясняется и ход ученой деятельности покойного — выбор и последовательность ее тем.

На выбор сюжетов первого цикла его греческих работ, посвященного критике текста греческих ораторов, имел влияние учитель [II] Виктора Карловича, так много им любимый и чтимый покойный Люгебиль. Этот цикл начинается рассуждением «*Observationes Antiphontaeae*». Оно было лишь кандидатской диссертацией; но работа 20-летнего кандидата, — по степени обнаруженных в ней знания, умения и таланта, — сделала бы честь любому вполне зрелому ученому.

¹²⁹ Известия Имп. Академии наук. 1902. Сер. 5. Т. 17. № 2. С. I-VI.